

Репозиторий ВГУ

Белявский А.М.
ПОСТМОДЕРНИЗМ И ИСТОРИЯ:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В современной историографии, в том числе и белорусской, проблема взаимоотношений истории и многочисленных интеллектуальных течений, объединяемых обычно термином «постмодернизм» в целом достаточно активно изучается: ей посвящено немало статей и отдельные монографии [подробнее см. 8]. Более того, встречаются примеры историков, работы которых квалифицируются (ими самими, либо их критиками) как принадлежащие постмодернитской «парадигме». В частности, такое происходит с некоторыми направлениями исследований, например с теми, что относят к «антропологическому повороту». Сам этот термин нередко употребляется в смысловой связке с другим термином: «лингвистический поворот». Но

в данном случае, мне кажется, мы имеем дело с попыткой увязать два принципиально несовместимых явления.

Последствия «внедрения» лингвистических методов исследования в историографию, о котором в общих чертах много говорится и пишется, еще только начинают осознаваться историками. Основное из таковых, как кажется, можно выразить через констатацию принципиального постструктуралистского тезиса: язык не отражает действительность (как настоящую, так и прошлую), а конструирует ее в каждом самостоятельном речевом акте. В наиболее радикальном виде эту идею выражает творчество Ж. Деррида и Г.Г. Гадамера. Непосредственно в историографии подобный подход реализуется в «конструктивизме» (М. Оукшотт, Дж. Мейланд, Л. Голдстейн [1, с. 171], в определенном смысле, можно к ним добавить и Х. Уайта), объявляющем прошлое конструктом, созданным художественным воображением историка. Некоторые из «традиционных» историков все же признают реальность угрозы постмодернистского релятивизма, отрицающего привычную нам историю (*реально*, а не *произвольно* связывающую прошлое с настоящим), и пытаются отстаивать свою позицию, обосновывать особенность творчества историка (Й. Рюзен, Ф.Р. Анкерсмит, Д. Карр).

Для историографии второй половины XX века более характерно постепенное «сползание» внимания от фактов к опыту, от метанарратива к «мелкому» нарративу, с центра на периферию. Это скорее интуитивная реакция на общие изменения в мире научной мысли: невозможность метанарратива осознается скорее подсознательно, а связь с историзмом сохраняется. Можно сказать, что из постмодернистского мира в маленький уютный двухмерный мирок историка проникают лишь отдельные идеи, диверсанты-«засланцы». По выражению Ф.Р. Анкерсмита, «современные историки желают, чтобы у их читателей сложилось некоторое представление о том, «как жил» или «как чувствовал» житель деревни Монтанью в XIII веке (Ле Руа Ладюри) или буржуа в XIX веке (Гей)» [1, с. 112]. Или вот так (Й. Рюзен): «Историков стало меньше интересовать воссоздание структурных условий человеческой деятельности в прошлом и объяснение посредством этого реальной жизни народа. Вместо этого они концентрируют внимание на способе, каким люди воспринимали и интерпретировали их собственный мир. Они проникают в сознание изучаемых людей, пытаясь тем самым вернуть им культурную самостоятельность восприятия их собственного мира характерным для них способом, который отличается от нашего» [4]. Наиболее последовательная реакция со стороны историков на постструктуралистскую критику приводит к появлению исторических работ, полностью составленных из источников, «голосов людей прошлого»: «Шотландия: автобиография» (под ред. Р. Горинг) [6] или «Народ Мухаммеда» Э. Шредера [7].

На подобного рода исследования ориентированы такие получившие распространение «виды истории», как история повседневности, история ментальности, устная история, микро-история. В их фокусе – культура, этничность, гендер, повседневная жизнь групп социума, по различным причинам лишенных «исторического голоса». Все они уже больше интересуются маргинальными структурами, отрицают метанарратив, т.е. идеальный язык описания, необходимость которого постулировали Б. Рассел, К. Поппер, А. Тарский, вслед за Л. Витгенштейном, У. Куайном и Д. Дэвидсоном выступают за плюрализм языков описания (Т. Кун, П. Фейерабенд, Ф.Р. Анкерсмит). С идеологической точки зрения такие интересы можно возвести к т.н. «антропологическому повороту» в философии, сместившему внимание философов от абстрактного индивида к живой, конкретной личности с ее заботами и проблемами. Обычно это объясняют ростом нового знания о человеке, переменами в научно-технической сфере и социально-политическими потрясениями

общепланетарного масштаба, случившимися в XX веке [2]. Хотя, наверное, с равным успехом это можно объяснить распространением представлений о субъективности человеческого опыта, начиная с неокантианства и экзистенциализма. И самое главное, многие даже такого рода исследования теоретически предполагают существование все той же «терции», трансцендентального объекта, только существование которого и способно верифицировать любые результаты этих исследований. Например, Э. Саид, убедительно разоблачавший созданный Западом образ Востока [5], тем самым предполагал, что существует некий «настоящий» Восток, ждущий «объективного» описания, и, следовательно, доступный ему.

На философском уровне возможность подобного познания (субъективный характер опыта) обсуждалась Т. Нагелем в статье «Каково быть летучей мышью?» и американским философом Р. Рорти в ответе на эту статью. Вот фрагмент из доводов Т. Нагеля: «Кажется маловероятным, что мы приблизимся к действительной природе человеческого опыта, оставив в стороне особенности человеческой точки зрения и составляя описание этого опыта таким образом, чтобы оно могло быть понято существами, отличными от нас, которые никогда не смогут вообразить, на что похоже быть человеком. Если субъективный характер опыта возможно понять с единственной точки зрения, тогда любой сдвиг в сторону большей объективности – то есть меньшей зависимости от определенной точки зрения – не приближает нас к действительной природе данного феномена, а, напротив, удаляет от нее» [3].

Р. Рорти в ответ на эти доводы объявил бессмысленными любые вопросы, выходящие за пределы языкового опыта. Дозыковой опыт абсурден, потому что «язык вездесущ», а Т. Нагель является пленником некоего «образа» реальности, который диктуется языком, и потому поднятая им проблема не является проблемой (их полемику и ее последствия для историографии подробно проанализировал Ф. Р. Анкерсмит [1, с. 113–119]). Очень похоже на то, как Л. Витгенштейн объявил о том, что философия не решает никаких реальных проблем, кроме языковой, потому что их не существует (или, по-другому, они вызваны неправильным употреблением языка). Доводы обеих сторон по-своему логичны, но оба варианта рассуждения представляются равно губительными для ныне модных направлений истории, по сути своей все еще продолжающих традиции ранкеанского историзма. Если первая позиция не оставляет места для объективной истории, то вторая вообще исключает даже принципиальную возможность дискуссии о таковой. Другими словами, для постструктуралистского (постмодернистского) мышления истории как некоей объективно существующей (существовавшей) прошлой действительности, знание о которой каким-то образом может быть получено и верифицировано, просто не существует. Есть только тексты, производящие модели действительности, каждый из которых в отдельности принципиально не верифицируем, в соответствии с тезисом Дюэма – Куайна. Любая историческая репрезентация становится в итоге чисто лингвистической проблемой.

Даже вышеописанные постмодернистские «диверсии» на территорию историка ведут к изменениям в корпусе исторических источников и самого понимания исторического источника – если нас больше начинает интересовать субъективный исторический опыт, то в центре нашего внимания уже не «объективная историческая истина», отраженная в источниках, из которых самыми объективными, в свою очередь являются официальные документы, а нечто совсем другое. Для обозначения этого «другого» вводятся специальные термины. Например, «память» – чтобы отделить повседневный опыт от официальной истории; для изучения памяти оказываются востребованными совершенно иные виды источников, уже не «отражающие», а скорее демонстрирующие многообразие индивидуального восприятия исторического опыта.

Для их обозначения вводятся новые термины, например, «эгодокумент». Если же мы рассматриваем историческую репрезентацию с лингвистической точки зрения, то источник из средства реконструкции прошлого становится способом конструирования идентичности, самого субъекта познания.

Употребления термина «память» можно связать с П. Рикёром, оперировавшим понятиями «память», «забывание» и «история». Он отмечал селективный характер памяти, возвеличивающий определенные «героические» аспекты прошлого (и фиксирующий их в ритуалах, праздниках и т.п.), и позволяющий эффективно исключать из прошлого элементы, не соответствующие идеологии – таким путем формируется коллективные идентичности. Такая «память» сохраняется в повседневном дискурсе. П. Рикёр обращался к З. Фрейду, проводя психоанализ забывания. Теми же методами Ж. Деррида продемонстрировал роль в этом процессе архива [9]. Опасность такого подхода для академической истории заметил Й. Рюзен: «Историческая наука как дисциплина и профессиональное сообщество историков обнаруживает себя в контексте, в котором ясные черты ее достижений в познании расплываются. Помещенная на почву живой памяти историческая наука, кажется, утрачивает свои фундаментальные принципы познания. Может ли роль, которую играет историческая память в определении человеческой идентичности и направлении человеческой деятельности, быть применена к историческим исследованиям как академической дисциплине или как “науке” в широком смысле слова? Если она и признается в дискурсе памяти, то выступает просто как средство идеологии, представляющее историю в соответствии с интересами и нуждами элит, как оружие в борьбе за власть, используемое теми, кто волен определять семантические условия обмена в сфере конструкции, деконструкции и реконструкции коллективной идентичности. Относительно поэтической и риторической стратегий она выступает как гермафродит научной рациональности и литературной формы, как двусмысленная фигура, синтезирующая научную рациональность и литературную текстуальность, грубо говоря, как неудавшееся дело (застой) с весьма сомнительной культурной функцией» [4]. Здесь присутствует явное понимание того, что история и постмодернизм несовместимы. Где есть в чистом виде одно – там нет другого. История, какой мы ее знаем – эксклюзивный продукт рационализма Нового времени. Это же касается и исторического источника. Строго говоря, даже модернизм предполагает смерть истории, причем еще более явную, чем постмодернизм, который скорее «симулирует» ее. Попытка такого рода «убийства» была предпринята Ф. Фукуямой – но успешно провалилась. Во что превратятся история и источник, когда, рано или поздно, постмодернизм действительно, а не фрагментарно придет и в этот «закоулок» культуры, как он пришел в другие – вопрос вопросов.

1. Анкерсмит, Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. / Франклин Рудольф Анкерсмит. – М.: Издательство «Европа», 2007. – 612 с.
2. Инговатов, Ю.В. Антропологический поворот: Характеристика европейского самосознания XX столетия. / Ю. В. Инговатов. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elibrary.ru/elib/books/Files/pa2000_2/pages/30/pap_30.html. – Дата доступа: 30.05.2013.
3. Нагель, Т. Каково быть летучей мышью. / Томас Нагель. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/nag_kak.php. Дата доступа: 30.05.2013.
4. Рюзен, Й. Утрачивая последовательность истории. / Йорг Рюзен. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://abuss.narod.ru/Biblio/ruzen.htm>. – Дата доступа: 30.05.2013.
5. Саид, Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. / Эдвард Вади Саид. – Санкт-Петербург: Русский Мир, 2006. – 638 с.
6. Шотландия. Автобиография / под ред. Р. Горинг; [пер. с англ. М. Башкатова, Т. Велимеева; под общ. ред. К. Королева]. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2010. – 704 с.
7. Шредер, Э. Народ Мухаммеда. Антология духовных сокровищ исламской цивилизации / Эрик Шредер; пер с англ. С. П. Евтушенко. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 638 с.

8. Шутова, О.М. Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX – начале XXI века / О.М. Шутова. – Минск: БГУ, 2008. – 277 с.
9. Derrida, J. Archive Fever: A Freudian Impression / Jaques Derrida; trans. Eric Prenowitz. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1995 – 63 p.

Репозиторий ВГУ